

Научная статья

УДК 343.01

<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-183-193>

Методологические проблемы аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны в контексте содержания традиционных духовно-нравственных ценностей

Филипп Викторович Чирков, кандидат юридических наук, доцент

Адыгейский государственный университет
Майкоп (385000, ул. Первомайская, д. 208), Российская Федерация
Fil-chirkov@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-1229-0741>

Аннотация:

Введение. Реализация уголовной политики в области охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует совершенствования методологических оснований аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны, в том числе ответа на вопросы: «Почему тот или иной объект должен охраняться?», «В чем именно состоит охраняемый интерес или благо?», «В чем заключается его ценностное для общества содержание?». Такая интерпретация призвана раскрыть подлинную составляющую защищенных правовых благ на основе учета культурно-цивилизационных особенностей российского общества и государства.

Методы. В работе применялись методы научного познания: сравнительно-правовой, комплексного анализа, обобщения.

Результаты. Смысл аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны состоит в том, чтобы на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей выявить такое содержание прав и свобод человека (сами по себе признаются высшей конституционной ценностью), которое способствовало бы раскрытию человеческого потенциала в обществе в интересах гармоничного и безопасного общежития всех людей, избегая при этом крайностей, заданных универсализмом и релятивизмом, индивидуализмом и этатизмом, демонстрируя справедливый баланс интересов отдельной личности и государства, свободы и безопасности, возможностей и ответственности. Если та или иная возможность человеческого поведения идет вразрез с традиционными ценностями, она не может восприниматься в качестве компонента содержания прав и свобод, следовательно, и не может претендовать на статус правоохраняемого блага.

Ключевые слова:

методология уголовного права, аксиология уголовного права, традиционные духовно-нравственные ценности, права человека, безопасность, этатизм, либерализм

Для цитирования:

Чирков Ф. В. Методологические проблемы аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны в контексте содержания традиционных духовно-нравственных ценностей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1 (105). С. 183–193. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-183-193>.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024;
одобрена после рецензирования 09.03.2025;
принята к публикации 20.03.2025.

Original article

Methodological problems of axiological interpretation of objects of criminal law protection in the context of the content of traditional spiritual and moral values

Philip V. Chirkov, Cand. Sci. (Jurid.), Docent

Adyghe State University
208, Pervomayskaya str., Maykop, 385000, Russian Federation
Fil-chirkov@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0001-1229-0741>

© Чирков Ф. В., 2025

Abstract:

Introduction. *The implementation of criminal policy in the field of protection of traditional Russian spiritual and moral values requires improvement of methodological foundations of axiological interpretation of objects of criminal law protection, including the answer to the questions: "Why should this or that object be protected?", "What exactly is the protected interest or benefit?", "What is its content of value for society?". This interpretation is designed to reveal the true component of protected legal benefits on the basis of considering the cultural and civilisational features of Russian society and the state.*

Methods. *The methods of scientific cognition were applied: comparative-legal one, complex analysis, generalisation.*

Results. *The meaning of axiological interpretation of the objects of criminal law protection is to identify, on the basis of traditional Russian spiritual and moral values, the content of human rights and freedoms (themselves being recognised as the highest constitutional value), which would contribute to the development of human potential in society in the interests of harmonious and safe living of all people, while avoiding extremes set by universalism and relativism, individualism and etatism, demonstrating a fair balance of interests of an individual and the state, freedom and security, opportunity and responsibility. If this or that possibility of human behaviour is contrary to traditional values, it cannot be perceived as a component of the content of rights and freedoms, therefore, it cannot claim the status of a legally protected good.*

Keywords:

methodology of criminal law, axiology of criminal law, traditional spiritual and moral values, human rights, security, etatism, liberalism

For citation:

Chirkov F. V. Methodological problems of axiological interpretation of objects of criminal law protection in the context of the content of traditional spiritual and moral values // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2025. № 1 (105). P. 183–193. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-183-193>.

The article was submitted October 12, 2024; approved after reviewing March 9, 2025; accepted for publication March 20, 2025.

Введение

Аксиологическая интерпретация объектов уголовно-правовой охраны выступает, пожалуй, одним из наиболее значимых направлений научно-исследовательской деятельности, направленной на приведение российской уголовной политики и уголовного права в соответствие с основными направлениями политики в области защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Помимо собственно интерпретационных, содержательных проблем, эта деятельность сложна еще и тем, что соответствующая интеллектуальная рефлексия должна быть лишена эмоций, политических и идеологических пристрастий, опираться на надежный методологический фундамент и приводить к получению верифицируемых результатов, которые могли бы быть положены в основу принятия конкретных правотворческих и правоприменительных решений.

В таких условиях вопросы научной методологии аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны приобретают первостепенное значение, в связи с чем аксиологический метод уголовно-правовых исследований закономерно выходит на передний край отраслевой науки.

Методы

Сущность аксиологического метода исследования и толкования права в самом общем представлении заключается в изучении связи правовых объектов (норм и практик) с определенными системами ценностей самого разного характера, что предполагает среди прочего отбор самих ценностей.

Результаты

Такое исследование, предполагающее выбор, истолкование ценностей как значений и смыслов, по мнению некоторых скептиков, не может стать строго научной истиной. Действительно, любой результат здесь сложно проверить, верифицировать, подтвердить или опровергнуть. Он может способствовать пониманию и ценностей, и права, но не гарантирует знания о них. «Однако это вовсе не означает, – пишет В. О. Андригатева, – что в контекст понимания как гносеологической процедуры, так и способа интерпретации социального бытия не могут входить научно-практические компоненты. Интерпретация ценностей глубоко познавательна в практическом и теоретическом аспектах» [1, с. 48].

Аксиология в праве, как известно, развивалась во многом в качестве реакции на «чистое учение о праве» (Г. Кельзен¹), призванное ответить на вопрос, чем является право, но исключающее ответ на вопрос, каким оно должно быть. Поиск содержательных критериев права, критериев легитимности нормативно-правовых предписаний и правовых практик с неизбежностью приводил юристов к неким метаправовым категориям, прежде всего к взаимосвязанным понятиям ценностей, принципов, моральных норм и т. п.

Идея сущностной и содержательной связи права с системой моральных норм общества не является сама по себе новой. В российском правовом пространстве она была наиболее полно воплощена в работах представителей консервативной философии. Специальные исследования доказывают, что идеалы общества, государства и права обосновывались консерваторами с помощью ценностных суждений, поэтому правовая доктрина консерватизма имеет аксиологический характер, что отличает ее от рационального и естественно-исторического обоснования права в либеральных и радикальных течениях общественной мысли². Право здесь теснейшим образом связано с религиозными и моральными ценностями, собственно, вне морали и религии право превращается в фикцию. Причем ценности права, религии, морали образуют систему, гармоничную систему, в рамках которой только и возможно комфортное общежитие людей [2]. Именно социокультурная общность (народ, государство, религиозное сообщество) выступала фундаментальной ценностью-объектом русского консерватизма, который цель государства видел не в защите совместных интересов, а в защите общих ценностей³. Основная идея классического русского консерватизма была связана с поиском возможностей консолидации общества на основе этических, а не юридических, начал. Поскольку же социальная этика насыщена ценностными составляющими своих предписаний, постольку же трансформация такой этики в программу социального права имеет свои особенности. Эту трансформацию нельзя осуществить обычной формализацией этики в право, скорее, само право должно быть существенно экзистенциализировано и одухотворено⁴.

Одухотворение права, выявление его ценностного содержания – процедура, требующая принятий в качестве исходной платформы самих ценностей. Они же, в свою очередь, уходят корнями в глубь общественной жизни, в историю, психологию народа, в ментальные основания цивилизации. Поэтому ценностный подход – это подход в т. ч. культурно-цивилизационный.

Не углубляясь в детали, в самом общем виде можно согласиться с дуалистическим представлением цивилизационных различий в праве. «Право техногенно-потребительской цивилизации, – пишет И. В. Тимошина, – по преимуществу „выстроено” от витально-материальных потребностей человека, оно парциально, антропоцентрично, конфликтогенно для общества и природы; в нем сущее практически не соответствует должному (субстанциальному праву). В духовно-экологической цивилизации, напротив, право, в силу своей ценностной наполненности „от Мира Системы”, может основываться на концептуальной схеме аксиологии права и все более органично сочетать сущее с должным»⁵.

Россия – особая страна-цивилизация. Она обладает особым типом духовности, ценностно измеряя социальную реальность; имеет своеобразный тип социальности, со стратегической ролью государства в ее истории и сближением его культурных и политических функций в процессе эволюции; живет в длительной самостоятельной государственной / геополитической

¹ Кельзен Г. Чистого учения о праве / перевод с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. Санкт-Петербург : АЛЕФ-Пресс, 2023. 542 с.

² Шестопапов С. В. Аксиология права в философии российского консерватизма (Л. А. Тихомиров, И. А. Ильин) : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2009. С. 7–8.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Тимошкина И. В. Социально-философский аспект аксиологии права : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2004. С. 9–10.

традиции; основана на «базисной» популяции, что транспонирует свою духовно-социальную «особость» в глобальную состоятельность⁶.

Подключение цивилизационных аспектов к пониманию права является одним из исходных компонентов в аксиологической интерпретации его содержания. В прикладном отношении это означает, что раскрытие любого компонента права, любого правового понятия должно учитывать культурно-цивилизационный код общества и государства, в котором это право создано и функционирует. Трактовка содержания объектов уголовно-правовой охраны в данном случае не является исключением.

В уголовно-правовой литературе, однако, это обстоятельство зачастую недооценивается либо вовсе игнорируется. Анализ научных источников свидетельствует, что описание объектов, охраняемых уголовным законом, осуществляется во многом формально, без погружения в раскрытие их ценностного содержания.

Так, например, при описании объекта половых преступлений традиционно указывается, что таковым выступает половая свобода и половая неприкосновенность личности⁷ либо «половые интересы и половые блага личности»⁸. Непосредственными объектами преступлений против прав и свобод граждан рассматриваются общественные отношения в сфере реализации прав и свобод человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерации⁹. Объектом преступлений против семьи и несовершеннолетних, как правило, признаются права и интересы членов семьи либо интересы несовершеннолетних¹⁰. Объект экстремистских преступлений трактуется как конституционный запрет на разжигание расовой, национальной и религиозной розни, составляющий одну из основ конституционного строя [3]. Объектом преступлений против нравственности в некоторых случаях предлагается считать духовно-нравственное здоровье человека как разновидность социального здоровья¹¹.

Не оспаривая изложенных позиций по существу, заметим, что основной критический вектор в их оценке должен быть направлен именно в сторону того, что предложенные описания не дают ответа на вопросы о том, почему тот или иной объект должен охраняться, в чем именно состоит охраняемый интерес или благо, в чем заключается его ценностное для общества содержание. Иными словами, объект зачастую называется, но не раскрывается. Между тем именно раскрытие содержания объекта уголовно-правовой охраны, в т. ч. с акцентированным описанием его социальной ценности, должно составлять неотъемлемую часть как криминализации деяния, так и его уголовно-правовой оценки в аспекте квалификации и практической пенализации.

Такая методическая операция должна опираться на надежный методологический и правовой фундамент. Нормативная концепция традиционных ценностей и прав человека, учитывающая аксиологическую матрицу российской цивилизации и культуры, на наш взгляд, вполне отвечает этому требованию.

Общепризнано, что аксиологический подход к праву базируется на приоритете гуманистических начал в развитии цивилизационной культуры и противостоит негативным составляющим глобализации, т. е. нивелированию самобытных ценностных начал национальных правовых систем¹². Этот тезис заставляет вспомнить давнюю и хорошо известную дискуссию по поводу универсализма или релятивизма концепции прав человека.

⁶ Алиев Д. Ф., Евреева О. А., Хазин А. Л. Традиционные ценности: основа российского общества : учебное пособие. Москва : Российский государственный социальный университет, 2023. С. 12.

⁷ Байбарин А. А., Гребеньков А. А. Половые преступления : учебное пособие. Курск : ИП Горохов А. А., 2013. С. 22–23.

⁸ Тихоненко С. В. Мотивация половых преступлений и организация их предупреждения органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1993. С. 12.

⁹ Курманов А. С. Уголовное законодательство России об охране конституционных прав и свобод человека: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 12–13.

¹⁰ Палий В. В., Ашин А. А., Чучаев А. И. Преступления против семьи и несовершеннолетних : учебное пособие. Владимир : Издательство Владимирского государственного университета, 2009. С. 15–16.

¹¹ Иксатова С. Т. Теоретические проблемы борьбы с преступлениями против нравственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2015. С. 6–7.

¹² Мурашко Л. Л. Аксиологическое измерение процесса правообразования: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. С. 14.

Сторонники универсальной концепции прав человека, как известно, исходят из того, что выраженные в международных документах права и свободы человека имеют всеобщий характер, вытекающий из признания единого достоинства человека, и предполагают единое содержание и единые гарантии во всех странах мира, вне зависимости от их цивилизационной принадлежности и особенностей культуры [4]. Они убеждены, что если соблюдение международных стандартов будет регламентироваться исключительно культурной традицией, то широкомасштабные неуважение, попрание и нарушения прав человека будут освящены местными законами, а местные сообщества будут ставить свои культурные нормы выше норм международного права, в то время как универсальный стандарт прав человека представляет широкий консенсус в отношении человеческого достоинства, чем любая отдельная культура или традиция [5].

Приверженцы культурного релятивизма (относительности прав человека), напротив, отрицают универсальный характер прав человека, исходя из очевидных различий, присущих отдельным локальным культурам, допускают и оправдывают применительно к последним все возможные отступления или ограничения, введение различных оговорок в отношении общепризнанных стандартов по правам человека [6, с. 63]. По их мнению, «нет и не может быть универсальной практической формулы и адаптационной модели прав человека, которую можно было бы навязать любому народу без неизбежного столкновения и конфликта культурных ценностей (модельных и реальных), ценностных оснований общественной и государственной жизни, без смены стереотипов и штампов политической и правовой ментальности власти и общества и, в целом, без трансформации старой политической и правовой системы» [7, с. 6].

Основные претензии универсалистов и релятивистов друг к другу также давно известны. Если первые говорят о релятивистских попытках обойти международные стандарты прав человека, об использовании риторики культурных различий для оправдания внутригосударственного политического диктата, подавления инакомыслия, порабощения женщин, оправдания семейного насилия и в целом ограничения свободы человека, то вторые видят в универсализме исключительно западноцентричный, индивидуалистический стандарт, внедрение которого (в т. ч. посредством гуманитарных интервенций) способно разрушить вековой уклад общественных отношений и привести в традиционные общества характерные для западных стран рост числа разводов, неполных семей и однополых союзов, проституцию, употребление наркотиков и систематические правонарушения [8, с. 117].

Острота полемики между универсалистами и релятивистами достигает такого уровня, что, по мнению некоторых исследователей, сегодня можно констатировать системный кризис между традиционными цивилизационными ценностями и ценностями неолиберального глобализирующегося мира, в основе которого лежит противоречие между двумя типами цивилизационного развития – секулярно-гуманистическим и религиозно-традиционалистским [9, с. 54].

В науке была высказана мысль о том, что российская социально-правовая доктрина придерживается универсалистского подхода к правовым ценностям в связи с ратификацией подавляющего числа международных актов в области защиты прав человека [10]. Однако с этим выводом сложно согласиться в полной мере прежде всего потому, что ратификация международных актов не перечеркивает первостепенной значимости ценностей и норм, закрепленных в российской Конституции и задающих, в силу ее приоритетного места в системе правовых актов, своего рода аксиологическую рамку для толкования прав и свобод человека и установления их содержания в российской гуманитарной сфере. Однако едва ли будет верен и противоположный вывод о том, что официальный дискурс прав человека в России изменился от либерального к патерналистскому [11], что закрепление в российской Конституции человека с его правами высшей ценностью подрывает правовой суверенитет государства [12].

В целом рассуждения о предпочтительности или исключительности развития гуманитарной концепции в логике противопоставления универсализма и релятивизма, глобализма и антиглобализма представляются нам недостаточно корректными, ибо со всей очевидностью страдают односторонностью, неоправданно стимулируя развитие права либо в сторону игнорирования национальных интересов, либо в сторону правового изоляционизма.

Как верно отмечается в некоторых источниках, «как универсализм, так и культурный релятивизм являются полезными перспективами, которые необходимо не разводить, а применять в сочетании. Универсализм позволяет проводить сравнение, а релятивизм пробуждает чуткость к разнообразию и указывает на прецеденты непосредственных контекстов. Полярность этих подходов, воспринимаемая как оппозиция, ограничивает интеллектуальные попытки тех исследователей, которые пытаются понять социальные стороны жизни законов, их культурные смыслы и повседневные практики их использования» [5, с. 31–41].

Логика сочетания универсального и относительного в понимании прав человека (при всей ее сложности и порой конфронтационности) получила признание и на самом высоком международном уровне. Резолюция, принятая 24 марта 2011 г. Советом по правам человека ООН «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества»¹³ провозгласила:

– на традиции нельзя ссылаться в оправдание вредных видов практики, нарушающих универсальные нормы и стандарты прав человека;

– все культуры и цивилизации в своих традициях, обычаях, религиях и верованиях имеют общий набор ценностей, принадлежащих всему человечеству, и эти ценности вносят важный вклад в развитие норм и стандартов в области прав человека;

– достоинство, свобода и ответственность являются традиционными ценностями, которые разделяет все человечество и которые закреплены в универсальных договорах по правам человека;

– ко всем правам человека необходимо относиться на справедливой и равной основе с одинаковым подходом и вниманием, при этом необходимо иметь в виду важность национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей;

– более глубокое понимание традиционных ценностей человечества, лежащих в основе международных норм и стандартов в области прав человека, может способствовать поощрению и защите прав человека и основных свобод.

Идея синтеза универсального и культурно-цивилизационного в гуманитарной концепции прав человека имеет в продолжение и решение еще одного принципиального и связанного с этой дихотомией вопроса, а именно: вопроса о соотношении индивидуальных и коллективных прав и интересов, индивидуализма и этатизма.

Этатистский подход в большей степени соответствует культурному релятивизму, индивидуалистский – универсализму¹⁴. Считается, что уникальность, индивидуальность и различие людей как модель поведения в западной культуре противостоят коллективности, чувству принадлежности к социальной группе и, соответственно, одинаковому обязательному исполнению групповых обязанностей. Ценности и традиции независимости, конкуренции, равенства полов, и как основа этого – политические и индивидуальные права человека, провозглашаемые Западом, находятся в противоречии с обычаями других культур, такими как взаимозависимость в группе, обязательное сотрудничество и ответственность перед коллективом или этносом [13, с. 427].

¹³ Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества : резолюция Совета по правам человека Организации Объединенных Наций 16/3 (принята 24.03.2011) // UNHCR (Агентство ООН по правам беженцев) : [сайт]. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/resolution/unhrc/2011/ru/78953> (дата обращения: 07.10.2024).

Показательно заметить, что эта Резолюция была принята 24 голосами против 14 при 7 воздержавшихся.

¹⁴ Меркушев В. Н. Права человека в контексте культурных различий: сравнительный анализ современных политологических концепций : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2004. С. 22.

При этом оценки этих социально-философских и политико-правовых доктрин также различны.

Некоторые исследователи прямо пишут о том, что в отечественной правовой культуре достоинство личности и права человека в большей степени воспринимаются не как абсолютные ценности, а как средства служения ближнему, обществу, Отечеству; что в православии нет тенденции преувеличения прав человека, свободы и достоинства по отношению к обязанностям и долгу перед обществом и государством, что права человека должны иметь четко очерченные границы, в противном случае они начинают служить оправданию порока [14, с. 59]. С гиперболизацией идеи индивидуализма исследователи связывают тот факт, что права человека сегодня служат оправданием идей трансгуманизма, заключению однополых браков, прав гендера, ЛГБТ¹⁵, которые усиленно пропагандируются на Западе и используются для оправдания греховных пороков, что ранее для христиан являлось неприемлемым и что в конечном итоге превратилось в очевидное зло и отрицание прав человека как таковых [15, с. 822].

Другие столь же убеждены в том, что патернализм ориентирует человека на безусловное подчинение государству и представляет опасность для полноценной реализации прав и свобод человека, поскольку со временем превращает человека не в гражданина, а в подданного, способствует возникновению в общественном сознании устойчивого представления об оправданности подчиненного положения личности¹⁶; что он предоставляет широкие прерогативы государству в ущерб индивиду, отводит главную роль политике, а не праву, проявляет склонность к силовым методам установления отношений между властью и человеком¹⁷.

Конфликт индивидуализма и патернализма, прав человека и интересов государства проявляется и в обсуждении проблемы содержания традиционных духовно-нравственных ценностей, а отсюда – и содержания объекта уголовно-правовой охраны.

Некоторые ученые придерживаются мнения, что под традиционными ценностями следует понимать лишь те нравственные ориентиры, которые прямо или смысловым образом закреплены в рамках правовой нормы. Это ценности общественные или государственные, а значит, регулируемые правом. «Все, что правом не регулируется, не позволяет говорить о себе как о традиционной ценности», – подчеркивают Е. В. Михайлова и И. И. Бутрим. Традиционные нравственно-духовные российские ценности имеют статус государственных интересов и закреплены в правовых нормах как объект защиты от посягательств. Соответственно, нарушение ценностей, как и совершение уголовно наказуемого деяния, есть нарушение государственного, общественного интереса [16, с. 46–48].

Такой подход, на наш взгляд, отражает откровенно этатистское понимание традиционных ценностей в качестве объекта уголовно-правовой охраны, а его применение подчиняет ценностную интерпретацию объектов исключительно государственным интересам: все, что не представляет государственного интереса, по сути, лишается здесь ценностного содержания. В связке с пониманием прав человека логика такого подхода проста: только то в содержании прав человека, что представляет государственный или общественный интерес, ставится под правовую (в т. ч. и уголовно-правовую) охрану, и только этот защищенный правом государственный интерес в содержании прав человека признается традиционной ценностью. Представляется, что это крайне односторонний и в силу этого неверный, а в определенной мере и опасный вариант истолкования связи прав человека, ценностей и объекта охраны. По сути, он выхолащивает содержание прав человека, низводя его до государственного интереса.

Противоположной позиции придерживаются исследователи, которые полагают (на наш взгляд, вполне обоснованно), что в правовой аксиологии на первом месте традиционно находится личность, ее права. Личность есть главная ценность правовой науки, а потому

¹⁵ Организация, признанная в России экстремистской.

¹⁶ Корниенко Г. П. Этатистская доктрина прав человека как пример максимизации патерналистских притязаний государства // *Legea și Viața*. 2018. № 10/2 (322). С. 48–51.

¹⁷ Глухарева Л. И. Права человека : Гуманитарный курс : учебное пособие. Москва : Логос, 2002. С. 35–40.

в любом аспекте размышлений о ценностях речь идет о человеческих ценностях. Иначе говоря, то, что называется ценностями, имеет отношение к человеку и его деятельности. Именно в ней ценности возникают, конституируются, функционируют, именно они отличают человека от животного, делая его социальным существом, обеспечивают человека жизненными ориентирами, определяют жизненно важные цели деятельности и в конечном итоге придают человеческой жизни определенный смысл [1, с. 43]. Традиционные духовно-нравственные ценности признаются «своеобразным наивысшим стандартом прав человека». «Любые попытки исправить, отменить, скорректировать традиционные духовно-нравственные ценности неизбежно окажут негативное воздействие на права человека» [17, с. 9].

Эти полярные позиции в известной степени коррелируют с широкой дискуссией относительно понимания содержания объекта уголовно-правовой охраны (преступления) как такового: выступают в качестве него общественные (или правовые) отношения либо человек.

Однако и в этом случае противопоставление концепций представляет лишь теоретический интерес в плане углубленного изучения специфического содержания и последствий применения каждой из них в отдельности. В прикладном отношении большую ценность представляет синтез подходов.

Еще в советские времена, в период господства теории общественных отношений как объекта преступления, Ю. А. Демидов писал: «Советское уголовное право охраняет человека в его сущности как совокупность всех общественных отношений и в то же время как явление в его физическом существовании и в социальной жизни. Иными словами, констатация того факта, что советское уголовное право охраняет социалистические общественные отношения означает, что речь идет о человеке в его сущности» [18, с. 42].

В наши дни эта мысль поддержана иными специалистами. «Сущность преступления, как деяния, причиняющего вред, – пишет И. П. Семченков, – заключается в том, что оно в конечном итоге всегда причиняет вред человеку, а не общественным отношениям. ... Общественные отношения, наряду с правами и свободами, а также иными значимыми для людей социальными ценностями, необходимо относить к тем охраняемым уголовным законом благам, посягая на которые (причиняя вред которым), преступление в конечном итоге причиняет вред человеку»¹⁸. Подключая ценностное измерение объекта, С. А. Бочкарев отмечает, что вне человека ценности быть не может. Ценность может «выступать» только в конкретной личности. Обеспечивая защиту личности (гл. 16–18 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁹, далее – УК РФ), уголовное право охраняет, «краеугольный камень всего общественного здания», ибо от способности личности воспроизводить, к примеру, жизнь зависит жизнеспособность как общества, так и государства. Охраняя общественный и нравственный порядок (гл. 24, 25 УК РФ) и основы конституционного строя (гл. 29 УК РФ), уголовное право признает и реализует предназначение общества для личности – обеспечивать условия взаимодействия людей и порядок их общежития, социальную судьбу каждого индивида; государства для личности и общества – «ограждать и организовывать жизнь людей, принадлежащих к определенному политическому союзу» [19, с. 77].

Таким образом, ни релятивистское, этатистское восприятие прав человека в совокупности с признанием объектом охраны обезличенных общественных отношений, ни универсальная, индивидуалистическая трактовка прав человека с ее ставкой на признание объектом охраны исключительно свободы отдельного лица не соответствуют концепции традиционных российских духовно-нравственных ценностей, российской гуманитарной концепции прав человека и концепции объекта уголовно-правовой охраны.

¹⁸ Семченков И. П. Объект преступления: социально-философские и методологические аспекты проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 8–9.

¹⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Смысл аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны состоит как раз в том, чтобы на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей выявить такое содержание прав и свобод человека (которые сами по себе признаются высшей конституционной ценностью), которое способствовало бы раскрытию человеческого потенциала в обществе в интересах гармоничного и безопасного общежития всех людей.

Такой подход, на наш взгляд, вносит свои коррективы в методику анализа интересов отдельной личности и интересов государства в качестве системно связанных интересов, поставленных под охрану уголовного закона.

Традиционный прием состоит в том, что содержание прав и свобод человека определяется по преимуществу в негативной логике, следуя концепции негативных обязательств государства. В этом случае собственно содержание прав и свободы остается неопределенным. Априорно предполагается, что человек абсолютно свободен. И эта свобода признается охраняемой ценностью. Обсуждению же подлежит вопрос о том, насколько оправданно ограничение этой свободы со стороны государства. В итоге уголовно-правовая норма предстает перед нами не как предписание, защищающее содержательно конкретизированное, ценностно наполненное благо, а как предписание, защищающее неограниченную свободу человека от вмешательства государства, критерии правомерности которого остаются столько же содержательно неопределенными и формальными (на первое место среди них выходят предусмотренность законом, обоснованность и соразмерность).

Подключение категории традиционных российских духовно-нравственных ценностей к определению охраняемого блага в контексте культурно-цивилизационных и политико-правовых особенностей России меняет логику анализа. Содержание прав и свобод человека должно раскрываться через призму традиционных ценностей. Лишь то может считаться содержанием прав и свобод (следовательно, и подлежать охране), что этим ценностям соответствует. Прежде чем устанавливать уголовно-правовой запрет или брать нечто под уголовно-правовую охрану, государство должно выяснить, насколько это «нечто» укладывается в нравственные границы традиционных ценностей. Если та или иная возможность человеческого поведения идет вразрез с этими ценностями, она не может восприниматься в качестве компонента содержания прав и свобод, а следовательно, и не может претендовать на статус правоохраняемого блага. Критерии обоснованности государственного вмешательства в данном случае дополняются важным содержательным компонентом: государство вмешивается постольку и настолько, поскольку и насколько реализация человеком его прав и свобод осуществляется в соответствии с традиционными российскими ценностями. Учитывая, что ценности в политико-правовом пространстве представлены не столько как идеологический концепт, сколько как концепт безопасности, гарантирующий комфортное и перспективное сосуществование личности, общества и государства, соответствие содержания прав и свобод человека, с одной стороны, и правоохранительной деятельности государства – с другой, традиционные ценности становятся залогом социальной гармонии.

3 **З**аключение

Подводя итоги исследованию проблем аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны, представляется возможным сформулировать несколько ключевых тезисов:

Во-первых, подключение возможностей аксиологической методологии является обязательным условием познания и раскрытия подлинного содержания и предназначения права; в уголовном праве применение аксиометода имеет решающее значение при установлении и раскрытии объектов уголовно-правовой охраны, выявляя их ценностное

содержание и демонстрируя тем самым как обоснованность, так и достаточность имеющихся средств уголовно-правовой охраны; раскрытие содержания объекта уголовно-правовой охраны с акцентированным описанием его социальной ценности должно составлять неотъемлемую часть уголовно-правовой квалификации и пенализации опасных деяний.

Во-вторых, аксиологическая интерпретация содержания объектов уголовно-правовой охраны с необходимостью предполагает учет культурно-цивилизационных особенностей общества и государства, в котором создано и функционирует уголовное право; такая методическая операция должна опираться на надежный методологический и правовой фундамент, в качестве которого выступает нормативная концепция традиционных ценностей и прав человека.

В-третьих, ценностная трактовка российской концепции прав человека в системе теоретических координат, заданных универсализмом и релятивизмом, индивидуализмом и этатизмом, демонстрирует ее особое содержание, сущность и смысл которого состоят в том, чтобы игнорируя крайности каждого из этих теоретических подходов, обеспечить справедливый баланс интересов отдельной личности и государства, свободы и безопасности, возможностей и ответственности.

В-четвертых, смысл аксиологической интерпретации объектов уголовно-правовой охраны состоит в том, чтобы на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей выявить такое содержание прав и свобод человека (сами по себе признаются высшей конституционной ценностью), которое способствовало бы раскрытию человеческого потенциала в обществе в интересах гармоничного и безопасного общежития всех людей.

Список источников

1. Андригатева О. В. Феномен права в контексте аксиологической методологии // Вопросы российского и международного права. 2016. Т. 6, № 12А. С. 41–51.
2. Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / вступ. ст., коммент. и сост.: А. П. Альбов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. 252 с.
3. Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. Москва : Норма, 1999. 307 с.
4. Hoang V. N. Human Dignity and Fundamental Freedoms - Global Values of Human Rights: A Response to Cultural Relativism. SSRN Electronic Journal. 2008. 54 p; <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1314288>.
5. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропология прав человека: универсализм и релятивизм / Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире : материалы Международного научно-практического симпозиума, г. Санкт-Петербург, 8–9 июля 2005 г. / под ред. О. Ю. Малиновой, А. Ю. Сунгурова. Санкт-Петербург : Норма, 2005. С. 31–41.
6. Мингазов Л. Х. Универсализм прав человека и культурное многообразие мира // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, № 5. С. 61–72.
7. Глушкова С. И. К вопросу о современных концепциях прав человека / Право в современном мире : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 7 декабря 2012 г. : в 2 ч. Екатеринбург : Уральский институт – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, 2012. С. 5–13.
8. Якушев Л. В. Идея прав человека на пересечении культурных традиций (спор об азиатских ценностях) // Философия и общество. 2019. № 4. С. 111–122; <https://doi.org/10.30884/jfio/2019.04.07>.
9. Карпович О. Г., Смагина Л. А. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // Международная жизнь. 2023. № 1. С. 54–65.
10. Погорлецкая И. И. Актуальные проблемы соотношения универсальных и национальных правовых ценностей в условиях современных обществ // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 307–319; <https://doi.org/10.17805/zpu.2016.2.27>.
11. Захарова О. В. Официальный дискурс прав человека в посткоммунистической России: от либерализма к патернализму // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 82–93.
12. Фархутдинов И. З., Ермолина М. А. П. И. Смирнов: об изменении ценностных основ международного права: необходимость и возможность интервью с доктором философских наук, профессором Смирновым Петром Ивановичем // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8 (123). С. 12–18.
13. Меркушев В. Н. Права человека в международном праве в контексте культурных различий // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2002. № 3. С. 422–439.

14. Осипов А. И. Богословские аспекты прав человека // Журнал Московской патриархии. 1984. № 5. С. 56–60.
15. Фоминская М. Д. Достоинство личности и права человека как традиционные российские духовно-нравственные ценности // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2022. Т 47, № 4. С. 819–829; <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-4-819-829>.
16. Михайлова Е. В., Бутрим И. И. Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в Российском государстве // Государство и право. 2023. № 9. С. 44–52; <https://doi.org/10.31857/S102694520027733-7>.
17. Далгалы Т. А., Гостькова Д. Ж. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23, № 3. С. 7–10; <https://doi.org/10.14529/law230301>.
18. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. Москва : Юридическая литература, 1975. 182 с.
19. Бочкарев С. А. Аксиология уголовного права: введение в тему и проблемы ее становления // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 73–80.